

День поэзии серебряного века

Виталий Викторович

номер ответственного 8(964)712-26-20 - Дашка

Цель:

1) Рассказать об основных особенностях серебряного века литературы: направления, причины и последствия. Показать тяжелые судьбы поэтов серебряного века, истории их жизней, взаимоотношения друг с другом. Показать влияние жизни поэта на его творчество. На примере личных историй поэтов показать, почему поэзия серебряного века была именно такой

Атмосфера:

Мы находимся во второй половине 20 века, серебряный век уже закончился.

Дети и их инструктора (на первые этапы) – работники издательства, которые на данный момент занимаемся созданием сборника посвященному поэзии серебряного века и его самым “ярким” представителям.

Расписание:

17:15 Добро пожаловать в дом поэтов
17:20 Дом поэтов
18:00 Работа над книгой
18:20 Дневник поэта
18:30 Поэтический вечер символистов
18:50 Воспоминание 1
19:05 Воспоминание 2
19:20 Поэтический вечер акмеистов
19:30 Ужин
20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов
20:15 Воспоминание 3
20:30 Воспоминание 4
20:45 Поэтический вечер футуристов
21:10 Воспоминание 5
21:30 А что стало с серебряным веком?
21:40 Отрядная свечка
22:20 Общая свечка
22:50 ВЛГ
23:00 Отбой

18:50 Воспоминание 1

Место: Лаборатория _____

Вы играете Сергея Эфрона

Кратко: события происходят в формате мира + в конце словеска. Всё происходит на даче у Волошина в Коктебеле.

Дети: Вера Эфрон, Елизавета Эфрон, Мария\Сергей (любые имена, их не существует)

Орг: Сергей Эфрон,

Всё начинается с того, что мы сидим на даче у Волошина.

Сергей: Макс искал Вас.

Цветаева: Вот и я, а он куда запропастился?

Сергей: Да убежал, Вы же знаете, Макс в Коктебеле это совсем другой человек. Я смотрю, вы с ним близки, не так ли?

Раз он статьи о Вас пишет.

Цветаева: Статьи? Я не видела никаких. Что за статьи?

Сергей: Да неужели вы не читали газет?

Цветаева: Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат

Сергей: А вы — в гимназии? Да, вы ведь в форме. А что вы делаете в гимназии.

Цветаева: Пишу стихи.

Сергей: Тогда держите, прочитайте.

Цветаева дает кому-то из детей прочитать (Смотри приложение)

Цветаева: Вся статья - самый беззаветный гимн женскому творчеству и семнадцатилетию. Макс Волошин был первым, кто прочитал «Вечерний альбом» и сразу же на него отозвался, именно поэтому я нахожусь сейчас здесь. В моей книге он увидел почти всё. Он оценил в стихах главное - искренность. Он мне сказал, никому в поэзии не удавалось писать о детстве из детства. Его слова: Это очень юная и неопытная книга, - её нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая

строчка будет понятна и уместна. Автор её владеет не только стихами, но и чёткой внешностью внутреннего наблюдения. Не взрослый стих, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху взрослому. «Вечерний альбом» – это прекрасная книга, исполненная истинно женским обаянием».

Сергей: То есть вы всё-так близки с ним?

Цветаева: Не могу понять к чему вы клоните.

Сергей: А если прямо сейчас, то что-то написать можете?

Цветаева: Ну просто так взять и сесть я не могу.

Сергей: А что для этого надо? Вам сейчас “имена детей” помогут.

Цветаева: Изначально нужно все убрать со стола.

убирают

Сергей: Что-то еще?

Цветаева: Мне нужна тетрадь, на отдельных листах я не пишу.

находят тетрадь

Цветаева: Мне нужна деревянная ручка с тонким пером (если найдем)

Цветаева: Также, мне нужен черный кофе, который будет стоять на столе.

Теперь я сажусь, никто не должен меня отвлекать. *(Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась – острием мысли и пера).* Она села писать, а дети остались с Эфроном.

Сергей: Вы не представляете как меня обворожила Марина, мне кажется, что прекраснее девушки я не видал. Как бы мне ее пригласить? *\обсуждают на какое свидание ее позвать, в итоге выходят к пляжу*

Спустя какое-то время

Цветаева: Получилось немного, но вполне прилично.

Есть такие голоса,

Что смолкаешь, им не вторя,

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза

Цвета моря...

Сергей: Это потрясающе. Может прогуляемся на пляж?

Цветаева: Давайте. Я вас догоню.

Эфрон уходит

Цветаева: Что же мне надеть? Помогите выбрать, пожалуйста, вот у меня тут есть...

Дальше дети с Мариной одевают ее на свидание

Дальше дети закрываются глаза.

19:05 Воспоминание 2

Место: Северная комната

Вы играете Шернешевица

Шернешевиц и жена Мариангофа пьют чай в комнате Есенина, где-то на минуте 10-12 вбегает Есенин. Он пьяный, расстроенный.

Есенин: О, друзья, приветствую, Сергей Есенин, а что вы тут делаете?

Шернешевиц: Здравствуйте, у нас тут встреча. Может быть вы что-то перепутали.

Есенин: Возможно, вы видите, я немножко невминок (улыбается)

Жена: Сергей Есенин, вы, кажется поэт?

Есенин: Именно так, мадам

Шернешевиц: Ну так читайте.

Есенин: А зачем? Я пишу не то. Не футурист, не акмеист, не символист – значит никто!

Жена: ну не обязательно же быть таким, как все. Читайте!

Сергей Есенин читает свое стихотворение

Шернешевиц: Чтож.. Сергей, вы были правы, ваше стихотворение не похоже ни на одно другое! Ни символизм, ни акмеизм. Но это и не плохо! Ваши стихи настоящие, честные что-ли. И простые, приятные. Мне кажется, вы спокойно можете быть основателем нового литературного направления.

Жена: А мы вас поддержим.

Шернешевиц: Если вам интересно, мы не безызвестные люди. Я тоже поэт, не настолько известный как вы, но поэт – Вадим Габриэльевич Шершеневич.

Есенин: а вы правы! Правы, черт возьми! С этого дня и навечно я – основатель нового направления, имажинист!

21:10 Воспоминание 5

Место: *комната справа от выхода из туалета (Юго-западная)*

Вы играете: *государственного правителя, который арестовывает Осипа Мандельштама*

Надя: Осип, с чего ты?

АА: Послушай, если тоже думаешь, что что-то будет, давай хоть что-то увезем? Препрячем? Может ко мне, может куда еще, хотя бы здесь найдем место.

Дети уговаривают Мандельштама спрятать часть рукописей у них дома, увезти к Ахматовой. Собирают книги, рукописи, бумаги. Временами Осип поднимает лист и читает стихотворения:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

АА: Об остальном молчу, но эта вещь у тебя “вырублена”, монументально-лубочная. А уж что заложено – не тайна.

Осип: Конечно, это проще всего. Я хочу, чтоб ее пели на улицах!

А стены проклятые тонки,
И некуда большие бежать –
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...
И вместо ключа Ипокрены
Домашнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

Надя: Ох, теперь и я, Анна Андреевна, неспокойна.

К концу сборов, дверь резко открывают, Мандельштама арестовывают, чекисты роются в бумагах, откладывают арестованные рукописи.

Ч: Я сотрудник НКВД

Дети с Ниной и Ахматовой собирают вещи.

Ч: Зачем вы так много вещей даёте с собой, долго не задержим — посидит у нас и отпустим.

Надя: Мы этому не верим уже.

Осип прощается со всеми.

Осип прощается со всеми и уходит в сопровождении сотрудников НКВД.

(Выводим Осипа Мандельштама в орг-отрядную, склад, вы оставляете его там, а сами с детьми отходите)

Ч: Слушайте, честно говоря, на Мандельштама нам сделали донос. Ему грозит, по крайней мере, ссылка или заключение в ГУЛАГ. Самое худшее развитие событий тоже вероятно. Возможно, Мандельштама попросту расстреляют. Однако, есть шанс, что его помилуют, если он напишет стихотворение о Сталине. я говорить такое не могу, поэтому, попробуйте уговорить его вы.